КЯТСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ
№ .....
БИБЛИОТЕКА ГЕРЦЕНА

СОЛОВЕЦКОЕ ЗОДЧЕСТВО

Проверено 1932 г.

Ежемесячный журнал — орган Управления Соловецкими Лагерями Особого Назначения ОГПУ
Год издания III

Проверено 1933 г.
1935

Журнальный фонд
Архив. Областной
БИБЛИОТЕКИ
им. И. А. Добролюбова

№ 4 Апрель 1926

Из недавно пережитого

(Выдержки из мемуаров бывшего Начальника Штаба походного Атамана всех казачьих войск Дутова, б. генерал-маїора И. М. Заїцева, возвратившегося из эмиграции).

Краткое введение.

Великий и тяжелый труд выпадает на долю историков империалистической и гражданской войны.

Будущие историки встретят немало затруднений и порой даже полную невозможность правильно и верно осветить некоторые события, особенно из периода русской революции. Причины тому следующие: 1) много видных военных и политических деятелей сошло уже в могилу. Много ценного и сокровенного унесли они с собою и это не будет уже достоянием истории.

2) Во время гражданской войны погибло много ценных для историографов материалов,—уничтожено немало дел в штабах, управлениях, учреждениях и в различных хранилищах рукописей, разной переписки и прочего исторически ценного материала.

Я считаю, что каждый, кто принимал видное участие во время мировой войны и особенно в период русской революции, должны оставить какие-либо письменные материалы, как след о своей деятельности.

Этим они окажут ценную услугу будущим историческим исследователям.

Мне пришлось участвовать во многих перипетиях гражданской войны и революции.

Передо мною промелькнуло, как в калейдоскопе, много крупных событий, ныне канувших в лету истории; перед моими глазами пронеслась плеяда политических и военных деятелей; многие из них сошли уже в могилу и унесли с собой тайну минувшего.

Как непосредственному участнику, мне пришлось многое видеть, слышать, лично наблюдать и изучать; сам лично за это продолжительное время перенес много тяжелых испытаний, претерпевал жестокие лишения, невзгоды; неоднократно были моменты, когда казалось, что стою на краю гибели.

Если перечислить все фазы событий последних лет, в которых я принимал участие *), мои скитания в разных положениях и в разных странах, то будет видно, насколько могут быть разнообразны мои наблюдения, впечатления и сведения, накопившиеся за время моих многочисленных скитаний, которые отняли немало лет из моей жизни.

Предстоящий мой труд не будет иметь формы воспоминаний об известных лицах; тем паче не представит из себя строго научного и последовательного изложения с выводами и заключениями.

Пребывание в белом лагере и участие в белогвардейских организациях дали мне широкое знакомство с психологией этого мира, его взглядами и воззрениями, с характером его отношения к общегосударственным интересам; с другой стороны добровольное возвращение в Советский Союз и служба в Красной Армии—поставили меня в условия об'ективного зрителя, имевшего возможность пребывания в обоих лагерях.

Печатаемые здесь воспоминания начинаются с части II, главы XII. Часть первая обнимает период от Мартовского переворота до Октябрьской революции. Главы I—XI эти еще не написаны, правильнее не восстановлены по моим заграничным заметкам под таким же заглавием, пропавшими при моих сборах для поездки в СССР. Нумерация частей и глав сохранена, по возможности, прежняя.

---

*) В марте 1917 г. был командирован в Петроград в составе делегации Румынского фронта, здесь был назначен членом Особого Совещания при Военном Министре по преобразованию Армии, как представитель от казачества; в конце июля 1917 г. был командирован в Хиву в кач. Командующего русскими войсками и комиссара в хивинских владениях, с поручением усмирить крупные туркменские восстания и ввести государственные преобразования в Хиве. После Октябрьской революции окончательно ликвидировал туркменское восстание; в конце января 1918 г. выступил с казачьим отрядом из Хивы для следования по домам; вследствие конфликта из-за сдачи оружия произошло вооруженное столкновение под Самаркандом; после сдачи оружия казаками и получения приказа об моем аресте, скрылся из Самарканда; был арестован в Асхабаде, судим и заключен в Ташкентскую крепость; около пяти м-ев сидел в крепости; из боязни расстрела бежал из крепости; долго скитался в Туркестане: был в Фергане в разбойничьих становищах „басмачей"; ввиду антигосударственной политики руководителя антисоветского движения, отказался от работы и скрылся из Ферганы. При попытке пробраться из Туркестана в родные края был арестован и посажен в тюрьму гор. Туркестана, где просидел 2 месяца под именем землемера Гурчанинова, по освобождении служил бухгалтером на советском свинцовом руднике „Ачи-Сай". После падения Оренбурга пробрался 8 апреля 1919 г. на родину, где был назначен Начальником Штаба Оренбургского военного округа, а вскоре Начальником Штаба к Атаману Дутову; сделал с армией „Голодный поход" в 2.000 верст; выбросился с остатками армии в Китайские пределы; был командирован в кач. Начальника Чрезвычайной Военно-дипломатической миссии из Сев.-зап. Китая на восток его; проехал по грунтовым дорогам Китай в 3-х направлениях, путешествуя около года; одновременно, по совместительству, в начале 1921 г. состоял в Пекине военно-дипломатическим представителем Дальне-восточной армии. В 1923 г, во время конфликта с Великобританией, отказавшись от безбедного проживания за границей, подал прошение в ЦИК СССР об амнистии и о разрешении возвратиться в родные края; в мае 1924 г. прибыл в СССР.

ГЛАВА XII.

Начало английской интервенции в Туркестане.

(Мои взаимоотношения с Туркестанской военной организацией. Первые встреча и совещание с лидерами организации. Структура антисоветской Туркестанской организации. Роль Английской военной миссии в Ташкенте. Соглашение Туркестанской военной организации с Английской миссией. Совместно выработанный первоначальный план. Политические перспективы для Туркестана. Мой протест по существу соглашения. Силы и средства организации. Мои скитания по Туркестану).

Мои взаимоотношения с Туркестанской военной организацией.

После моего побега из Ташкентской крепости, 1 июля 1918 г., я оказался в сфере исключительного влияния Туркестанской военной организации. Скажу больше того,—зависел от нее во многих отношениях, должен был следовать ее указаниям, даже не мог сделать шагу без ее ведома для перемены места пребывания.

Причины тому были следующие: во-первых, при содействии Туркестанской военной организации был устроен мой побег из крепости и ей, следовательно, я обязан спасением моей жизни.

Во-вторых, после побега я нуждался в надежных убежищах у верных людей для укрывательства. В этом случае Туркестанская военная организация оказывала мне весьма ценные услуги, так как у ней были везде связи и свои люди. Перед побегом из крепости для меня были приготовлены три надежных убежища.

В третьих, я бежал, имея на себе лишь тюбетейку, рубашку, шаровары и ичиги; нуждался во всем.

Туркестанская военная организация, получавшая субсидию от Великобританских представителей, на второй-же день после побега снабдила меня в изобилии всем нужным и необходимым. Были присланы: два отличные верховые коня с седельным убором, оружие, костюмы — статский европейский и два сартские, разные продукты и проч. и даже предметы излишества—одеколон, ногтечистки и проч.

Наконец, в четвертых, для скитания мне был нужен верный, надежный, смелый и лихой проводник, он же переводчик. И тут Туркестанская военная организация предупредительно приставила ко мне своего человека, некоего Тюлегана. Этот Тюлеган был блестящий проводник-укрыватель. Он так умело поставил дело, что я не мог без него никуда двинуться. Тюлеган получал от организации большое содержание, также она снабдила его верховым конем, оружием и проч. Вот причины моей зависимости от Туркестанской военной организации.

Со своей стороны Туркестанская военная организация, видимо, имела ввиду меня использовать при предполагаемом выступлении против Советской власти в Туркестанском крае. Сейчас-же мне предложили выполнять обязанности Начальника Штаба, а фактически обязанности нес

некий полковник Б., убитый из засады в августе 1918 г. в окрестностях Ташкента.

Однако, ход событий показал, что я не оправдал тех надежд, что возлагала на меня Туркестанская военная организация и, может быть, в глазах некоторых покажусь крайне неблагодарным за все оказанное ей для меня, как, например, избавление из крепости.

Здесь сыграли роль, помимо причин частного характера, наши в корне противоречивые взгляды на общегосударственные интересы.

Я признавал раньше, как главный принцип внутренно-политической борьбы, междупартийной или классовой, что борьба возможна в пределах допустимого, когда не будут применены такие методы борьбы, которые несомненно приведут к ущербу интересов своего государства и послужат лишь на пользу иностранцам, будут им в угоду.

Исповедуя сей символ, я поступил согласно ему в описываемое мною время, отказавшись от возложенного на меня поручения, точно также, следуя ему, я поступил в 1923 г. во время конфликта между СССР с Англией, подав прошение об амнистии. Я исповедую твердо и непоколебимо как морально-политический символ, что в случае опасности извне нашей стране, мы должны прекратить политическую вражду, об'единиться и сплотиться, чтобы общими усилиями дать грозный отпор.

Первые встреча и совещание с руководителями организации.

На другой день после побега из крепости, 2 июля вечером, хозяин моего убежища, „бай“ (богатей, кулак) ввел ко мне трех суб'ектов, которых я не видел никогда раньше, они сообщили верно „пароль“ и передали мне, что они присланы пригласить меня сейчас-же на совещание лидеров тайной организации и что им-же поручено провести меня туда. На мои вопросы, где будет совещание, и кто там будет, дали уклончивый ответ: „увидите сами“. Из их разговоров я узнал, что они офицеры, один из них моряк, что они страшно недовольны нерешительностью „Командарма“, так они называли председателя организации; что у них все готово к выступлению, а он трусит и медлит. Они одели меня в новенький штатский костюм, только что присланный организацией, загримировали меня, установили условные знаки в пути (кашель, посвистывание) и мы двинулись. Предстояло идти из старого города мимо гаупвахты крепости, где день тому назад я был в заключении, в русскую часть города в район недалеко от дома „Свободы“. Подошли к небольшой калитке, ведущей в огромный сад. Один из спутников тихо постучал условным стуком. Ночной сторож открыл калитку и впустил нас. В глубине сада вырисовывался темный силует дома, погруженный во мрак. Тот-же спутник предложил нам обождать, а сам направился к дому. Через довольно продолжительное время вернулся и радостно сообщил, что все в сборе и ждут меня. Меня провели к дому с заднего крыльца, открыли дверь в ярко освещенную комнату—кабинет, хорошо обставленный. Здесь сидело 4-ро почтенных лиц, совершенно мне незнакомых. Я обратился к ним со словами:

— „Разрешите узнать,—я имею счастливый случай видеть руководителей тайной организации, о которой я осведомлен“?

— Да, это мы,—был ответ.

— Представляюсь, я—Зайцев, сидевший в крепости, а ныне по документам, присланным вами, я землемер, Николай Константинович Турчанинов; этим именем прошу называть меня и числить.

Затем выразил им мою горячую благодарность за содействие по освобождению меня из крепости. Начались расспросы, как и при каких условиях мне удалось бежать из крепости. В свою очередь я спросил, где моя жена, жившая все время в Ташкенте и навещавшая меня каждый день в крепости. Меня успокоили, сообщив, что в день побега ее отправили с надежным проводником в Чимкент, что она прибыла туда благополучно, помещена в безопасном месте и живет в хороших условиях. Вскоре хозяин пригласил в столовую ужинать и, как он выразился, поздравить меня с освобождением. Председатель организации, ныне почивающий уже в земле, Генерального Штаба генерал лейтенант Лука Лу-Кон-ч поторапливал с окончанием ужина, чтобы до рассвета закончить деловое совещание и разойтись.

Структура антисоветской Туркестанской военной оргна низации.

Перешли в кабинет. Здесь председатель организации Л. Л. К-ч приступил к ознакомлению меня соструктурой антисоветской конспиративной организации, именуемой ими „Туркестанской военной организацией“. В его изложении все обстояло великолепно нельзя было желать лучшего; сама организация была построена по строгой системе, проведенной сверху до низу, приток желающих вступить на борьбу с Советской властью все увеличивается, силы все больше накапливаются. Организация раскинула сети по всему краю—во всех более или менее населенных пунктах имеются „очаги борьбы“; в крупных центрах (Асхабад, Самарканд, Красноводск, Коканд, Аулие-Ата, Верный)—отделы организации, а в мелких под‘отделы. Все они поддерживают между собою прочную связь, а также с руководящим органом, или штабом организации в г. Ташкенте. Все отделы пришли к соглашению, что они признают руководство Ташкентского штаба, будут следовать его указаниям и выполнять его распоряжения. Самый руководящий орган, или Штаб организации, и составляли те четыре лица, с которыми в данный момент я вел беседу. Глава организации не преминул пожаловаться на то, что замечается прискорбное сепаратное стремление некоторых крупных отделов, в первую очередь Асхабадского, как непосредственно ведшего сношения в английским командованием в Мешхеде, затем—Ферганского, Семиреченского и отчасти Самаркандского отделов. Каждый из них стремится занять первенствующее руководящее положение, выделиться первым (Асхабадский так и поступил, выступил преждевременно один); вследствие этого происходят интриги, недоверие, боязнь друг друга и проч. Эти явления, наблюдающиеся лаже среди мелких об‘единений, разлагали, ослабляли и разрушали силы об‘единений, и преследовали „белое движение“ на всем его протяжении.

Далее я узнал, что Штаб организации установил связь с главой туркменских племен - ханом Джунаидом - и текинских—Адиз-ханом, и намерен привлечь их на свою сторону. Тут глава организации обратился ко мне с просьбой, не могу-ли я в этом случае оказать помощь, так как им известно, что в конце 1917 г. я, будучи Командующим русскими войсками в Хивинском ханстве и комиссаром Хивинских влалений, вел борьбу против хана-Джунаида, закончившуюся тем. что хан-Джунаид смирился, перешел на мою сторону и оказывал мне содействие в борьбе с низовыми туркменами, а также они знают, что в конце января 1918 г. Адиз-Хан присылал ко мне в Чарджуй с предложением своих услуг в борьбе с Советской властью. Как мною изложено выше, я не воспользовался тогда никакими предложениями и сдал оружие под Самарканлом. Кстати, в этот-же вечер во время ужина руководители организации делали мне упреки, зачем я сдал оружие после боя под Самаркандом, когда успех был обеспечен и несомненен, и что Ташкент ликовал, ожидая прихода нас, казаков, и готовился к торжественной встрече. Я ответил без колебаний и смущения, что я считал тогда братоубийственную войну бесцельной и бессмысленной и что мы, казаки, совершенно не хотели вмешиваться во внутренние дела, а имели единственное искреннее желание вернуться по домам, чтобы отдохнуть от продолжительной и утомительной боевой службы.

Далее председатель организации коснулся взаимоотношений с мусульманской политической партией „Улема“, которая до последнего времени держалась обособленно, но теперь, после соглашения, достигнутого Туркестантской военной организацией и представителями Великобританского правительства (о чем речь будет ниже), она смирилась, видя, что без нашей военной организации и без средств ничего предпринять не может, но рискует оказаться «у разбитого корыта».

Бухарское правительство, по словам главы организации, выразило полную готовность принять участие в борьбе с большевиками Туркестанского края, но обусловило это тем, чтобы Бухара была гарантирована от отдельного разгрома, как-то было в марте 1918 г., и что Бухара предоставит все свои силы и средства для борьбы с Советской властью лишь после того, как участок Средне-Азиатской жел. дороги от Красноводска до Чарджуя будет очищен от большевиков и в Ташкенте падет Советская власть.

Между прочим, в этот вечер никто из руководителей организации не заикнулся о «басмачах» Ферганы, как будто их не существовало; тогда как, начиная с Кокандского восстания в конце января 1918 г. они все более и более размножались.

Следовательно, в то время Туркестанекая военная организация не имела ввиду дать какое-либо применение «басмачам», а рассчитывала на свои здоровые элементы, гнушаясь помощи разбойничьих шаек. Это и явствовало из докладов главы организации, который неоднократно подчеркивал, что сил достаточно, причем силы надежные и верные и он бодро смотрит на будущее и верит в успех. „У нас не было,—как гово-

рил глава организации,—оружия и средств для борьбы, но теперь мы нашли источник снабжения тем и другим, об этом сейчас доложит П. С. Наз., который в курсе всех переговоров и соглашений с англичанами".

— Словом,—закончил он, все ждут с нетерпением, когда наступит время взяться за оружие.

Присутствующий на совещании мичман Аничков, мой проводник из убежища на совещание, задал такой вопрос: „Раз все готово, все горят нетерпением и рвутся на выступление и, я скажу,—это верно; то стоит-ли откладывать дело до получения денежных средств, не будет-ли упущен благоприятный момент. Если, как вы говорите, организация быстро разрастается, то не является и опасение, что дело не удастся скрыть в тайне, не будет-ли поводов для подозрений, и большевики примут меры противодействия. (Впоследствие так и произошло).

Ген. К—ч. с апломбом военного авторитета и с гордостью опытного героя безаппеляционно заявил, „У меня правило, которого я всегда держусь,—начинать крупное, решительное дело лишь тогда, когда я вполне уверен в успехе, когда я действую наверняка".

По этому поводу я вступил с ним в полемику. Я доказывал, что даже при нормальных боевых условиях, когда известны силы противной стороны, когда точно учтены свои, известно их качественное состояние, особенно морального порядка, нелепо говорить: «я вполне уверен в успехе», тем паче при настоящих условиях, при выступлении, правильнее восстании против существующей власти, когда свои силы весьма проблематичны, неизвестно качественное их состояние, а моральное подвержено сильным колебаниям от пустяковой случайности.—В таких условиях совершенно абсурдно утверждать: «я действую наверняка»; тут многое нужно предоставить „его величеству случаю" (выражение Фридриха Великого); лишь решительность в соединении с внезапностью могут гарантировать успех, а смелость, доходящая до наглости, может ошеломить противную сторону.

Однако, самоуверенный генерал стоял на своем. Старый генерал, как я убедился потом, принял руководство движением единственно чтобы сказать; „и мы пахали". Таких экземпляров во время гражданской войны было немало.

После Ген. К.--ча сделал сообщение политического характера некто П. С. Наз-в, предназначавшийся в премьер-министры будущего Туркестанского правительства и в министры финансов, в данное время выполнявший обязанности казначея организации, ведавший разными политическими переговорами и сношениями. Содержание его доклада озадачило меня не мало.

Роль Английской военной миссии в Ташкенте.

Весною 1918 г. прибыла в Ташкент из Индии из Пешевара через Афганистан Великобританская военно-дипломатическая миссия. Приезд миссии был разрешен Туркестанским Совнаркомом и она находилась на официальном положении.

Официальной целью миссии было, яко бы, восстановление связи с вновь образовавшимся Туркестанским Правительством и ознакомление с новым общественным и государственным строем края. На самом деле истинной целью и намерениями миссии были: подготовлять и организовать вооруженные восстания в Туркестане против Советской власти, снабжать повстанческие отряды деньгами и оружием из ближайших к Туркестану английских баз (Мешхед, Кашгар, Афганистан). Миссия имела широкие права и полномочия по осуществлению этих задач.

Антисоветские организации, в том числе Туркестанская военная и мусульманская „Улема“, не приминули, конечно, войти в связь с Великобританской Миссией.

Соглашение Туркестанской военной организации с Английской миссией

После продолжительных, видимо, переговоров, Туркестанская военная организация пришла к определенному и окончательному соглашению с представителями английского правительства.

Сущность этого соглашения, по словам П. С. Назва, заключалась в следующем:

Совместно выработанный первоначальный план.

Туркестанская военная организация должна подготовить, организовать и руководить одновременным и повсеместным выступлением всех „очагов борьбы“ против Советской власти в крае.

Английское правительство берет на себя все дело снабжения деньгами, оружием, огнестрельными припасами и разными техническими средствами борьбы всех вооруженных сил, выставленных на борьбу с Советской властью, а в случае надобности и вооруженной поддержки из северных провинций Персии.

После свержения Советской власти в крае будет образована Туркестанская Демократическая Республика со всеми аттрибутами республиканского строя: парламентом, намеченным именовать народным собранием, президентом, кабинетом министров и проч.

Политические перспективы для Туркестана.

Вновь созданное государственное образование или Туркестанская Демократическая Республика будет находиться под исключительным влиянием Англии; в таких же взаимоотношениях, как Африканские доминионы ее, Южноафриканские республики (Трансвааль и Оранжевая).

В возмещение всех произведенных расходов английским правительством Туркестанская демократическая республика должна предоставить ряд концессий на разработку природных богатств в крае.

Мой протест по существу соглашения.

Прослушав доклад до конца, я выразил резкий протест, заявив, что работать в духе выполнения этого соглашения я ни в каком случае не согласен потому, что мы, казаки, всегда стояли и стоим за целость и неделимость России, указал на постановление двух казачьих с'ездов (в Петрограде и Киеве). И, вдруг, сейчас по замыслам небольшой группы лиц предполагается отторгнуть от России богатый и цветущий Туркестанский

край, что будет коварной изменой по отношению к остальной центральной и большей части России *).

Начались жаркие дебаты.

Все стремились убедить меня в том, что соглашение и останется лишь соглашением, в виде клочка бумаги, что соглашение одно, а выполнение его другое, ибо, по их словам, после свержения Советской власти в крае и создания нового государственного образования Великобретания и не будет настаивать на своем мнимом протекторате, который выговорили ее здешние представители. Да если бы она и захотела, то вследствие громадной отдаленности Туркестана от ее владений (Индия), она была бы не в состоянии оказать решительные меры воздействия, да и другие державы не допустили бы этого; что в будущем, само собой, Туркестан воссоединится с остальной Россией, следовательно, не только никакой измены ей, но и никакого ущерба ее интересам не будет и т. д.

Споры по существу соглашения и политических перспектив продолжались бы бесконечно, еслибы Ген. К—ч. не остановил, предупредив, что время уже позднее и предложил полковнику Б. ознакомить по его части, по части дежурного генерала, обязанности которого он выполнял.

Силы и средства организации.

Полковник Б. дал сведения о состоянии частей Туркестанской Красной армии отдельно по гарнизонам, о их настроении, в смысле стойкости и преданности Советской власти, о запасах всех видов снабжения красной армии. Тут Б. не преминул горделиво заявить, что о состоянии красной армии мы имеем более точные и верные сведения, чем сами представители Советской власти, так как мы имеем везде своих людей, которые дают нам верные сведения, а большевикам часто вымышленные.

Привел данные о возможном числе участников в случае открытого выступления против Советской власти; причем данные эти были весьма и весьма гадательны; перечислил „сочувствующие“ нам группы населения и разные общественные и профессиональные организации.

В то время я придавал еще значение всем этим „сочувствующим“ разных видов; но позднее, после многократных наблюдений над яркими и показательными событиями, я начал относиться довольно скептически к „сочувствующим“ и „мнимому сочувствию“. И это потому, во первых, что все эти „сочувствующие“, но не примыкающие,—народ нерешительный, слабовольный, элемент для политической борьбы не пригодный, даже вредный; во вторых и в главных, число сочувствующих сильно преувеличивается и самое сочувствие раздувается и это с целью придать внушительные размеры намечаемому мероприятию, чтобы привлечь иностранцев и получить от них материальную помощь.

Наша гражданская смута изобилует яркими примерами того, как политические авантюры, рассчитанные на «мифическое сочувствие населения», лопались как мыльные пузыри.

---

*) Об этом я упоминал в своем докладе адмиралу Колчаку.

Между прочим, Б. сообщил, что необходимое оружие для выступления имеется в разных местах, необходимо лишь приобрести его путем покупки. Интересно отметить, что незадолго до Асхабадского выступления Ташкенские власти отобрали винтовки у рабочих Среднеазиатской жел. дороги и раскассировали резерв ташкентской милиции, по данным Б. принадлежащих к числу „сочувствующих".

В этот вечер руководители организации посвятили меня во всю подготовительно-организационную работу и предложили мне вступить в роль Начальника штаба организации, но, как сказано выше, фактически выполнять эти обязанности я не мог, вынужденный укрываться в разных убежищах.

Мои скитания по Туркестану.

Начало светать.

Мы прекратили беседу. С рассветом мне было не безопасно пробираться через весь Ташкент в свое убежище. Меня оставили на ночлег в этом же доме. Здесь я прожил семь дней. Каждый день собирались все те же четыре лица, руководители организации. Предстояло командировать доверенных лиц за получением денег в Асхабад от местной организации, а та в свою очередь от англичан из Мешхеда. В то время вызвались поехать три дамы из Ташкентского „бомонда".

Позднее, в сентябре месяце, когда Б. исчез, возвращаясь вечером из Ташкента на дачу, я узнал, что эти дамы были, действительно, командированы в Асхабад, прибыли туда еще до восстания, получили 3 мил. романовских денег, а затем бесследно исчезли. Предполагали, что они вместе с деньгами были похищены и куда-нибудь увезены. Мое пребывание в этом доме стало небезопасным. Кадетики, товарищи хозяйского сына, начали часто заглядывать в дом и с любопытством посматривать на меня. Видимо, мое инкогнито было раскрыто. На седьмой день Б. предложил мне отправиться на ночлег к инженеру Ф. Я собрался, но оказалось, что его нет дома. Тогда я решил пробраться в свое убежище. Вместе с мичманом Аничковым, который был приставлен ко мне в качестве ад'ютанта, взяли хорошего извозчика и с шиком прокатили мимо крепости. Оказывается, в эту ночь в квартире инженера Ф. был произведен обыск и он арестован. Никого и ничего, конечно, не нашли.

На другой день Тюлеган перевел меня в другое убежище, верстах в 17 от Ташкента, а оттуда из боязни розысков мы направились в глухие и отдаленные места—в кочевья киргизов, в нижнем течении Сыр-Дарьи, так называемых „тугаях" — места, поросшие высокой травой и камышем и обитаемые кабанами.

Здесь поставили для меня в ауле хороший большой „кош" (кибитка) и я поселился на житье под видом землемера, приехавшего произвести с'емку места для устройства парома через Сыр-Дарью; с'емку, действительно, произвел.

Через две недели приехал из Ташкента Тюлеган с продуктами и навестить меня. В беседе с ним я открыл ему мой фантастический проэкт: построить плот, нагрузить дын и под видом продавцев спуститься

по Сыр-Дарье в Казалинск, а оттуда через Уральскую область пробраться в Оренбургскую губернию, к себе на родину.

Возможно, что Тюлеган сообщил мои предположения в нашей организации, только он приезжает сейчас же обратно из Ташкента и переводит меня в Чиназ под предлогом, что в окрестном районе красноармейцы вербуют лошадей у киргизов и мне оставаться здесь опасно.

16 и 17 августа я переехал из Чиназа в Кишлак в окрестностях Ташкента. Новый перевод меня в другое убежище произошел по довольно важной причине, а не из боязни раскрытия, как всегда пугал меня Тюлеган, стремившийся иметь видимость какого-нибудь дела, а не даром получать жалование от организации.

Причина этому была та, то Туркестанская военная организация по соглашению с английской миссией в Ташкенте и английским командованием на Асхабадском фронте выработала новый план выступления против Советской власти в Туркестанском крае.

Об этом изложу в следующей главе.

ГЛАВА XIII

Новый план выступления против Советской власти в Туркестане с привлечением к участию „басмачей".

(Причины невыполнения первого плана об одновременном выступлении. Переговоры и соглашение с главарями „баслачей„. Одобрение соглашения с басмачами английской миссией. Стратегический план общего выступления в Туркестане. Назначение меня руководителем по подготовке в Фергане. Сборы в Ферганy).

Причины невыполнения первого плана одновременного выступления.

Асхабадское восстание в июле 1918 г. было преждевременно вопреки плану Туркестанской военной организации, согласно которому должно было произойти повсеместно одновременное выступление всех „очагов борьбы".

Между тем Асхабадское восстание было неожиданным почти для всех отделов Туркестанской организации, почему оно не могло дать тона и толчка для однородных выступлений в других местах, тем более не было сигналом к общему движению, как, возможно, по началу некоторые предполагали.

Поводом к выступлению были действия комиссара Фролова, который своим поведением вызвал сильное недовольство среди рабочих Среднеазиатской ж. д. Произошел ряд эксцессов, послуживших сигналом к открытому выступлению в Кизил-Арвате, Асхабаде, Мерве и др. Как бы там ни было, но руководители Асхабадского отдела организации, осведомленные о предполагаемом общем выступлении, могли бы принять меры для избежания эксцессов, послуживших поводом к восстанию, чтобы дождаться благоприятного времени.

Может быть, были к тому веские причины. Затрудняюсь точно определить какие, но предполагаю, что: или напряжение политической атмосферы в Асхабаде и во всей Закаспийской области достигло крайнего предела и было, действительно, невозможно дальше ждать, или событие было ускорено по указке представителей английского правительства и его командования, или же, что вероятнее всего, руководители Асхабадского восстания, большинство из них принадлежали к эс-эрам и меньшевикам, понадеявшись на „мифическое сочувствие большинства" и расхрабрившиеся от близости английских „сипаев", возымели намерение прсявить инициативу и встать во главе движения во всем крае.

Хотя в своем введении к настоящим заметкам я дал обет воздерживаться от оценки, выводов и заключений, но здесь не могу умолчать и хочу поделиться своим мнением Если посмотреть в корень всех событий, начиная с первых дней революции, прсследить их ход и обратить внимание на исход и задать вопрос: какая же политическая партия причинила больше всего зла и вреда нашей родной стране?

Без всяких колебаний я могу ответить, что этим прославились и будут налолго памятны нашей стране злосчастные политические хирурги, бездарные представители «социалистической демократии», эс-эры и меньшевики, эти неудачники—герои русской революции.

Как всегда, так и в данном случае, эти представители «социалистической демократии» начали шумом, но провалились с треском, лишь причинив громадный вред Закаспийской области и сделав комедию в угоду англичанам.

Уж такая участь этих политических фантазеров и бездарных руководителей всех начинаемых ими выступлений и движений.

Однако, в то время, в июле 1918 г., Туркестанская военная организация не могла выполнить своего плана об одновременном и повсеместном выступлениим, ибо не было сил и отсутствовали средства.

Предложенные мне на первом совещании сведения о числе примыкающих и сочувствующих оказалось при пробной поверке мифическими. Боевой элемент, который могла выставить организация на борьбу, был разнокалиберный сброд, невооруженный, недисциплинированный, неподготовленный, главным образом, учащаяся, гражданская молодежь.

Не было денежных средств на приобретение оружия и необходимого снабжения, а также на вербовку волонтеров. Деньги ожидали, но не получили, а последние исчезали бесследно.

Таким образом, Туркесканская военная организация, не имея возможности выполнить намеченный план, не могла и осуществить свое соглашение с представителями Великобританского правительства и рисковала лишиться источника снабжения.

Перед Туркестанской организацией стояла трудная задача — как выйти из положения, чтобы не лишиться такого сильного и щедрого покровителя, как Англия. Ведь англичане аккуратный и добросовестный народ в исполнении своих обещаний...

В Асхабаде наскребли кое-какие силы и англичане охотно помогают и даже, как и обещали, поддерживают вооруженной силой. Чтобы иметь шедрое покровительство англичан, нужно иметь реальную силу и показать ее, а таковой у Туркестанской организации, правильнее у центрального Ташкентского ее отдела, не было. Необходимо найти, но как и где?

Переговоры и соглашение с главарями «басмачей».

Судили, рядили и, наконец, нашли выход. Решили для боевой ударной группы применить разбойничьи шайки «басмачей, сильно размножившиеся в то время в Фергане.

Но как привлечь их на свою сторону? Мусульманская политическая партия «Улема» считала их своими.

Начались переговоры с разными заинтересованными сторонами: с Английской военной дипломатической миссией, с мусульманской партией «Улема»; отправили послов, богатых баев в Ферган к «басмачам» с шедрыми подарками их главарям.

О том, как велись переговоры, я совершенно не осведомлен. В то время я жил мирно и спокойно в своем убежище, громадном фруктовом саду одного богатого бая, недалеко от Ташкента, питаясь роскошными фруктами, и не предполагал, что подготовляется новое предприятие, с которым связана до некоторой степени и моя судьба.

Однажды вечером приехал Тюлеган и сообщил мне, что прибыл за мной, чтобы перевести меня ночью в другой кишлак, а на утро доставить на совещание, где будут все руководители нашей организации; чтобы я ехал налегке, так как через день—два он вернет меня сюда. Пока седлали нам лошадей, я угощал Тюлегана фруктами, которыми, как всегда, у меня был заставлен весь стол.

Тут Тюлеган сообщил мне многозначительно, что я, вероятно, поеду в Ферган большим начальником и начал просить меня взять с собой и и убеждал меня в своей храбрости и смелости, и, курьезнее всего, в том смысле, что он не боится разбойников, «басмачей» и смело поедет к ним.

Ночью по малопроезжим дорогам мы пробрались в другой кишлак в 25 верстах в дачной местности на окрайне Ташкента. Хозяин дома был осведомлен о нашем приезде и ждал нас с ужином. Переночевали. Утром я отправился на дачу, где назначено было совещание. Здесь я встретил всех моих прежних друзей приятелей знакомых по первому совещанию, кроме инженера Ф., который, кажется, был еще арестован.

Сейчас, как и на первом совещании, ознакомлял с политическим положением, с достигнутыми соглашениями и намеченными мероприятиями все тот же П. С. Наз., который, ободренный поддержкой материальной и вооруженной силой, которую англичане оказывали асхабадцам, представил перспективы намечаемых работ в весьма благоприятном освещении.

В общем картина рисовалась следующая.

Не имея достаточных боеспособных сил здесь, на месте, т. е. в Ташкенте, в виду полной невозможности соорганизовать, подготовить, а в нужную минуту собрать имеющиеся небольшие силы, Туркестан-

ская военная организация, в силу этих причин, вынуждена была решиться дать боевое применение басмаческим шайкам Ферганы. Для чего использовать эти шайки, разросшиеся в то время до 2—2½ тысяч вооруженных басмачей, как кадров для формирования крупного повстанческого отряда путем вербовки добровольцев из мусульманских джигитов, а также путем переброски русской молодежи из Ташкента и других городов. Все содержание этого отряда организация берет на себя: приобретет конский состав и снаряжение, снабдит отряд оружием, огнестрельными припасами и другими средствами борьбы, будет довольствовать отряд (суточный оклад содержания джигита с лошадью был вначале определен 15 р. в сутки), будет выплачивать небольшое жалованье джигитам и особое содержание «курбаши». Численность отряда зависела от количества оружия, которое будет предоставлено в распоряжение организации англичанами. Примерно намечалось 25 тысяч человек. По всем этим вопросам велись, ведутся и заканчиваются переговоры с главными курбаши (главари шаек) Ирган баем, Иш-Мамет-баем и др. Вначале курбаши не хотели и слышать о подчинении Туркестанской военной организации. Лишь в последнее время, благодаря последним уговорам видных баев и духовных лиц, выразили согласие. В данное время живет в Фергане и заканчивает переговоры полковник П. Г. Корнилов, брат известного генерала Л. Г. Корнилова, который прислал на днях уведомление, что переговоры проходят благополучно к концу.

Одобрение соглашения с „басмачами“ Английской военной миссией.

Представители Английского правительства, или Великобританская военная миссия в Ташкенте, подтвердили свое прежнее соглашение о снабжении деньгами, оружием и проч. и при новой комбинации вооруженных сил.

Базами для снабжения Ферганского повстанческого отряда и направлением для доставки снабжения были намечены: а) из Читрала — Гильгита через перевал Мустаг в Кашгар, отсюда через Иркештем и Ош, б) другое — из Пешавера через Хайберский перевал, далее через Афганистан и Бухару. Количество всех видов снабжения и денежных средств не было определено какой-нибудь нормой. По заявлению английских представителей все будет отпущено по мере надобности в достаточном количестве. Особенно, когда будут пробиты сквозные пути на Мешхед и Афганистан.

Однако, были даны примерные соображения о количестве оружия, желательного перебросить в Ферганy, именно: 25 тысяч винтовок, 40 пулеметов и 16 горных орудий.

Денежные средства будут отпускаться из Кашгара через местного английского консула из кашгарских банков.

Стратегический план большого выступления в Туркестане.

После политического доклада генерал К—ч передал, что нашей организации предложено (кем — понятно) выработать план будущей операции в случае выступления против Советской власти, что у него уже имеется проэктик этого плана.

Мы обсудили его в деталях.

Главные положения намеченного плана были следующие: 1) перед окончанием подготовки к выступлению все участвующие группы должны быть уведомлены заблаговременно о времени выступления хотя бы приблизительно.

2) Первой начинает действия армия Дутова, производя сильный нажим на Актюбинск.

3) Сейчас же переходит в наступление Асхабадский фронт.

4) Когда Туркестанское советское командование израсходует резервы на поддержание Актюбинского и Асхабадского фронтов, тогда начинает действия вновь проэктируемый ферганский повстанческий отряд, который двигается по двум направлениям: небольшая часть через Кындер-Даванский перевал в Туркестанском хребте в долину реки Ангрен на Ташкент; главные силы отряда следуют через Мурзарабатскую степь в обход Туркестанского хребта, боковой отряд от них направляется на Чиназ и захватывает Чиназский мост через Сыр-Дарью, а главное ядро наступает на Ташкент.

5) В это же время хан Джунаид со своими туркменами, двигаясь по левому берегу Аму-Дарьи на Дарганата, подходит к Чарджую, захватывает Чарджуйский мост через Аму-Дарью. Одновременно партизанский отряд из Аулиеатинского уезда делает налет на ст. Арысь и захватывает эту узловую станцию.

Таким образом, две группы туркестанской Красной Армии, Актюбинская и Асхабадская, теснимые с фронта, окажутся отрезанными в тылу от центра.

6) После этого, как обещало Бухарское правительство, Бухара занимает своими войсками участок Средне-Азиатской ж. д. между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей.

Словом, этот план готовил такой хаотический беспорядок во всем Туркестане, такой кавардак, справиться с которым было совершенно не по силам Туркестанской военной организации.

Несомненно, для водворения порядка понадобилась бы посторонняя помощь, т.-е., тех же англичан.

Против этого плана я сделал два возражения: во-первых, я высказался против применения туркмен, так как мне известны по Хиве их разбои и грабежи, от чего их трудно удержать, а мы сами дадим им повод для грабежей, и применение их вблизи русских поселений может быть чревато неприятными последствиями, „с огнем опасно шалить".

Во-вторых, я выразил большое сомнение, что ввиду громадных расстояний и больших затруднений и даже невозможности поддерживать связь по причинам географическим, трудно ожидать, чтобы удалось осуществить такой сложный и громоздкий план.

Как мне известно, английское командование одобрило этот план и в свою очередь отправило курьеров к Дутову, указав ему его задачу по плану.

Позднее, при свидании с Дутовым, он говорил мне, что, действительно, курьер прибыл и он, Дутов, выполнил просьбу англичан, произведя нажим на Актюбинск. Оказывается, этот нажим был совершенно невпопад, как я и предсказывал.

Назначение меня руководителем в Фергану.

После обсуждения всех этих вопросов председатель организации Генерал К—ч. передал мне от имени руководящего органа организации, что организация командирует меня в Фергану в качестве руководителя по формированию и подготовке нового отряда, что мне надлежит подготовиться к этому, чтобы сейчас же, по возвращении Корнилова из Ферганы, отправиться туда; что со мною будет командирована небольшая группа в виде Штаба, роль начальника штаба при мне будет выполнять полковник Корнилов, что эта командировка как нельзя лучше устроит меня, так как мне там не нужно будет укрываться, могу жить на свободе; что здесь с наступлением холодов мне будет трудно отыскивать убежища.

Я не возражал ничего и выразил согласие.

На другой день также ночью я перебрался в свое убежище. Моя жизнь одинокого узника пошла по старому.

Каждый день ожидал получить указание, куда и как поехать. Но время шло и шло и я не получал никаких известий.

Тюлеган также забыл меня. У меня явилось предположение, что поездка не состоится.

Уже я подыскал теплое помещение на случай наступления холодов и думал перебираться туда.

Сборы в Фергану.

Однажды около полудня, когда все взрослые члены семьи хозяина отсутствовали и в доме оставалась одна девушка—дочь хозяина, Фатима с баранчуком (ребенком), ко мне приехал какой-то незнакомец.

Девушка сартянка позвала меня к двери, ведущей из сада во внутренний двор и сообщила, что пришел «козак» (киргиз) и спрашивает меня. Задаю вопрос—один ли он и «мултук бар?» (есть ли ружье)? Говорит, что во двор зашел один, что «мултук ёк» (ружья нет) и поясняет, что его привел дядя, который сказал, что это «якши адам» (хороший человек) и послал ее позвать меня, а сам дядя из предосторожности скрылся.

Вхожу во внутренний двор. Я был в сартовском костюме. Девушка забыла в тревоге обычай мусульманок прятаться и закрываться от мужчин, взяла меня за руку и повела к потайному отверстию в стене, через которое из женской половины наблюдают, что делается на мужской, и предложила мне посмотреть. Гляжу. На террасе сидит типичный киргиз небольшого роста. Направляюсь к нему, подхожу, держа на всякий случай в кармане браунинг наготове. Он сидит спокойно, мало обращая внимания на меня. Говорю: «Асалям алэкум!» (приветствие при встрече).

— «Алэ-кум асалям!» отвечает. Спрашиваю, кто его прислал и кого ему нужно. Говорит, что прислал Тюлеган; что нужно Турчанинова, которому он привез письмо. Говорю: „я самый Турчанинов“. «Я полковник

Корнилов», отвечает незнакомец, и оба незнакомца, один киргиз, другой сарт, об'явились.

Дело в том, что я с Корниловым никогда раньше не встречался. Он передал мне письмо от генерала К-ча, который указывал мне отправиться к месту назначения и что подробности сообщит податель письма.

Корнилов сообщил, что он недавно вернулся из Ферганы, закончив переговоры с курбаши; обо всем договорились и во все это он посвятил меня. Далее передал, что необходимо без замедления ехать туда и приступить к подготовке и нас уже ждут там; что уже приходили от англичан и наводили несколько раз справки,—в каком положении дело и торопили с подготовкой; что вчера приехали два джигита от Иш-Мамет-бая за нами, так как без проводников оттуда попасть в «разбойничьи становища» немыслимо: во первых, невозможно найти, а во вторых не безопасно со стороны партий тех-же «басмачей».

Я расспрашивал о положении в Фергане, что из себя представляют джигиты, насколько они склонны к подчинению, пригодны-ли они как материал для гражданской войны, подразумевая в данном случае избежания грабежей и насилий. Корнилов представил все это в довольно благоприятном освещении. Совсем не то я увидел на месте. Правда, когда Корнилов был в Фергане, то курбаши Ирган-бай и Иш-Мамет-бай старались показать ему все в наилучшем виле, например, производили занятия с джигитами, установили бдительное сторожевое охранение, жестоко наказывали для показа за грабежи и проч.

Мы условились отправиться в путь через три-четыре дня. Задержка происходила из-за того, что со мной предполагали отправить 10-12 ч., которым нужно было купить верховых лошадей; сразу покупку произвести было нельзя, чтобы не вызвать подозрение; приходилось ждать от базара до базара.

Затем я расстался с Корниловым, чтобы встретиться на сборном пункте уже в кач. начальника и подчиненного, отправляясь в рискованное предприятие для выполнения фантастического поручения.

(Продолжение следует).

Красные соколята

№ 5-6-7

1924

Из недавно пережитого

(Выдержки из мемуаров б. начальника штаба походного атамана ввех казачьих войск Дутова, б. генерал-майора И. М. Зайцева, возвратившегося из эмиграции).

Глава XIV.

(Поездка в Ферганy в разбойничьи становища „Басмачей". С'езд на сборный пункт. Скрытный пробег из Ташкента в район Коканда. Начали „басмачить". Прибытие в разбойничье гнездо Курбаши Иш-Мамет'Бая).

С'езд на сборный пункт.

Второго октября вечером Тюлеган приехал ко мне в убежище и предложил мне собираться поскорее для отправки на сборный пункт.

Мои сборы были, как и всегда, очень коротки: сложил всю мелочь в куртжумы (сартовские переметные сумы), приторочил их к седлу в задний вьюк, походное одеяло составило передний вьюк, один халат вместо седельной подушки оседлал коня и готов в поход.

На передаточном пункте Тюлеган передал меня новому проводнику, о чем предупредил меня заранее.

Приехали в караван-сарай на большой дороге, отходящей из Ташкента на восток, в долину реки Ангран.

Утром направились на сборное место. Это была большая курганча (отдельный двор) в стороне от дороги; кругом его большие сады. Здесь я встретил одного лишь Л. П. Афанасьева, который представился мне, как личный секретарь и переводчик. Он был совершенно не осведомлен, кто и сколько человек поедет с нами. Его взяли экстренно и неожиданно для него, почему он не знал и о намеченном мероприятии.

К вечеру, это было 4-го октября, приехал незнакомый тип, некто Бобчинский с запиской ко мне от П. С. Н-ва.

Этому Бобчинскому поручено переправиться через Ош и Иркештам в Кашгар (главный город восточного Китайского Туркестана) и здесь получить деньги от английского консула на содержание вновь формируемого повстанческого отряда.

Мне было рекомендовано в записке сейчас-же по приезде в Ферганy отправить Бобчинского с проводником по назначению, и подчеркнуто: без замедления.

Бобчинскнй имел доверенность от главы военной английской миссии в Ташкенте и ему было указано, что он получит 5 миллионов рублей «романовских».

Следом за ним должен был отправиться другой курьер, также за деньгами и в том же направлении.

Рано утром 5-го октября приехал П. Г. Корнило вс двумя джигитами—басмачами, присланными из «разбойничьих становищ» для сопровождения нас туда.

П. Г. Корнилов передал мне, что никто более не приедет, так как на базарах в Ташкенте не удалось купить лошадей и для покупки командировали людей в ближайшие кишлаки, на что потребуется 5 или 6 дней.

Лидеры организации предлагали мне через Корнилова или подождать присоединения через несколько дней другой группы, или же сейчас отправиться в Ферганy и без замедления приступить к подготовительной работе.

По словам Корнилова, руководящий орган держится того мнения, что необходимо возможно скорее приступить к работе, хотя бы не интенсивной, а на первых порах для успокоения английских представителей, которые наводят справки—в каком положении дело, и предупреждают, что Асхабадский фронт (антисоветский) ненадежен, не долговечен, что сам по себе он не представляет серьезного военного значения, и не может оказать какого-либо влияния на судьбу всего края, что нужно спешно подготовлять другие очаги борьбы.

Генерал Кон-ч в особой записке давал мне руководящие указания, чтобы я по приезде в Ферганy представил без промедления с курьером свои соображения о проведении в жизнь намеченного мероприятия, причем было отмечено, чтобы мои соображения носили оптимистический характер, следовательно, для кого-то они предназначались.

Предупредительно, как бы предугадывая мое решение не оставаться далее здесь, был выдан денежный аванс П. Г. Корнилову на текущие расходы, а крупная сумма в количестве, потребном до прибытия денежного подкрепления из Кашгара, будет выслана по получении моих соображений (как я сказал уже, оптимистической окраски).

Скрытый пробег из Ташкента в район Коканда.

После полудня мы отправились в путь Полван, так звали нашего нового проводаика „джигита-басмача“, об'явил нам, что он поведет нас через Кындер-Даванский перевал. Мы двигались гуськом в отдалении один от другого, держа дистанцию в 200-300 шагов. Впереди ехал Полван. Получалось впечатление, что мы люди совершенно посторонние один другому, ничего общего между собой не имеющие.

Почти во всех попутных чайханах останавливались на привале пить чай.

Хозяева туземцы с недоумением посматривали на наш странный маскарад: двое, я и Арсеньев одеты сартами, Корнилов—киргизом, Бобчинский—европейцем.

Ехали без всяких предосторожностей, были спокойны потому, что имели „настоящие“, хорошие документы, выданные, как статистикам, из Хлопмас-

мыл, командированным в Фергану для сбора сведений о состоянии урожая хлопка текущего года.

Миновали Ангранскую долину.

В последнем кишлаке перед Кындер - Даванским перевалом остановились, чтобы запастись силами перед трудным участком пути.

Начали подниматься на перевал. Путь на перевал исключительно вьючный, туда ведет небольшая по ширине тропа, пригодная для движения мелких вьючных животных. По сторонам мрачные голые скалы Туркестанского хребта. Перед самым перевалом пришлось вести версты две лошадей на поводу. Наши кони напряженно-сосредоточенно, медленно и осторожно выступали по горной тропинке, проходящей в некоторых местах над бездонными пропастями.

Был ясный, теплый, осенний день, какие всегда бывают в Туркестане. Воздух не колыхнется. В вышине парили горные орлы, потревоженные нашим неожиданным проездом.

Полван ускоренно пробрался вперед и на самом перевале у избушки не то сторожа, не то дервиша, приготовил „дастархан“ и встретил нас, об'явив, что мы теперь в Фергане и вне опасности, и что, вероятно, скоро навстречу нам прибудут джигиты.

Спуск с перевала было гораздо легче.

Вообще восточный путь на перевал из Ферганы легче и доступнее, чем западный со стороны Ташкента.

В первом после перевала большом кишлаке, расположенном в живописной горной долине, мы остановились для обеда. Наш Полван преобразился— начал сурово всеми распоряжаться и жители покорно и со страхом выполняли его распоряжения.

Вышли пройтись по кишлаку. Смотрим: снизу по долине поднимается к нам конная группа человек 25—30; двигаются колонной по три, полной рысью. Полван говорит, что это наши джигиты. Подскакивают к нам, свернули с дороги и построили фронт. Все они были на очень хороших лошадях, оседланных большею частью казачьими седлами. Каждый джигит имел винтовку и револьвер, а некоторые и шашки; у многих через оба плеча были надеты пулеметные ленты с патронами. Позднее, при осмотре оружия, я обратил внимание, что у многих винтовки были одного образца, а патроны другого, часто—смесь разных образцов.

Их курбаши (начальник) спросил Полвана, кто из нас старше, тот указал на меня. Курбаши обратился ко мне с приветствием и передал мне, что он послан встретить нас. Видимо, предполагался почетный караул.

На ночлег переехали в другой попутный кишлак. В прежнем остались бражничать курбаши со своими джигитами. Собственно говоря, я хотел поскорее избавиться от этого «почетного» конвоя.

На следующий день нам предстояло свершить переезд к паромной переправе через Сырь-Дарью, переправиться через реку и вечером прибыть в окрестности Коканда, где мы могли узнать от сторожевых постов «басмачей» о месте пребывания курбаши Иш-Мамет-Бая и ночью пробраться туда азхолустными местами по малопроезжим дорожкам и тропинкам.

7-го октября был чудный осенний день. Наш путь лежал в довольно живописной местности по долинам восточного склона Туркестанского хребта.

Полван чувствовал себя здесь в привычной обстановке, становился все более и более развязным, проявляя разбойничьи инстинкты.

Во время пути мы открыли своеобразный способ, выработанный басмачами для поддержания связи, а также в целях разведки и отчасти сторожевого охранения. В каждом кишлаке на улицах, главным образом, при выходе из кишлака размещались уличные чеботари (сапожники). Чеботарь сидит на переносной скамеечке; перед ним переносный столик с сапожным инструментом и он мирно, постукивая молоточком, шьет или чинит ичиги (легкая сартовская обувь).

Наш Полван опережал нас, под'езжал к каждому такому чеботарю и о чем-то расспрашивал. Иногда после расспроса мы меняли направление пути. Я заинтересовался в чем дело. Полван об'яснил, что уличным чеботарям вменено в обязанность следить за всеми прибывающими и убывающими, наблюдать не приехали ли, или не находятся ли вблизи „большевой" (большевики). Также указано интересоваться всеми людьми, представляющими интерес в смысле ограбления, прибывающими в кишлак, или от'езжающими от него, куда и по каким дорогам.

Прибытие в разбойничье гнездо курбаши Иш-Мамет-Бая

Перед заходом солнца мы переправились на пароме через Сыр-Дарью. На кокандовском берегу встретили раз'езд басмачей. Они передали Полвану, что лагерь курбаши Иш-Мамет-Бая находится на прежнем месте, что никаких перемен не произошло. Все спокойно, и сообщили, что о нашем приезде было вчера известно, что нас ждут.

Нужно сказать, что экстренные известия передаются у них с поразительной быстротой, даже на громадное расстояние.

Вечером в окрестности Коканда приехали на первый сторожевой пост, выставленный из отряда Иш-Мамет-Бая. По всему было заметно, что нас ждали.

Самая служба неслась с необычайной для басмачей бдительностию: все лошади были под седлом, стояли вместе вблизи расположения людей, которые были во всеоружии. Впереди кашлака, около дороги, в донжаре (высокое хлебное растение по росту и виду похоже на кукурузу) стоял пеший часовой, с винтовкой, а за первой курганчой—подчасок и коновод с тремя лошадьми.

Обычно-же сторожевая служба отправлялась самым простым способом. Джигиты, прибывшие на пост, сдавали лошадей на попечение жителей, а сами забирались в чайханы, где распивали чай, курили анаши (одурманивающее вещество, заменяющее опиум). Непосредственно сторожевую службу несли уличные мальчишки, которые, пускаясь в перегонки, сообщали о замеченном. Часто бывали ложные тревоги с комическими последствиями.

Далее наш путь лежал через ряд сторожевых постов, места для которых избраны не по каким-либо тактическим соображениям, а там где лучшая чайханэ. Ближе к становищу все чайханэ были заняты басмачами. Везде ждали нас, встречали радушно и рассматривали с большим любопытством.

От поста до поста давали одного или двух проводников; без них немыслимо было бы пробраться в самое логовище разбойничьего гнезда, вблизи которого проводники вели по захолустным и извилистым дорожкам иногда целиной, так что выбраться оттуда без проводника, хорошо знающего местность, нельзя было и помышлять. Проезжали по сложной и запутанной сети арыков, орошающих целый лабиринт садов, огородов, хлопковых плантаций, рисовых полей и полей джугары.

Ведь Фергана это цветущий сад, житница Туркестана.

Уже взошло солнце, когда мы добрались до главной ставки курбаши Иш-Мамет-Бая, находившейся в то время в кишлаках в 22 верстах к северу-западу от Коканда. Нас поместили в большой благоустроенной курганче; наших коней увели на общую конюшню. В этот день предстояла первая встреча с главарями басмачей.

Вновь обретенное нами место не явилось для меня тихой пристанью, как в том уверяли меня лидеры Туркестанской Воен. Организации. Наоборот, после первого знакомства с басмачами, хотя и поверхностного, после первых наблюдений и впечатлений у меня создалось довольно тревожное состояние.

Я увидел, что и мы „не ко двору“ им, и что они „не к лицу“ нам.

Наша затея с басмачами стала все более и более претить моему сердцу. И я начал подумывать, как бы выпутаться из этой грязной истории.

XV.

Пребывание в разбойничьих становищах басмачей.

(Первая встреча и знакомство с главарями басмачей. Первые дни пребывания в разбойничьем гнезде Иш-Мамет-Бая. Увеселительные вечера с басмачами. Проэкт образования Юго-восточного Российского Союза. Мой отказ от участия в авантюре, затеваемой басмачами, и мое решение скрыться из Ферганы. Приготовление бегства из Ферганы).

Первая встреча и знакомство с главарями басмачей.

Около полудня посетил нас приближенный и доверенный хозяина этого разбойничьего становища — курбаши Иш-Мамет-Бая. Он представился, как письменный переводчик, на самом-же деле правая рука курбаши по всем делам и заведывающий церемониальной частью при ставке. Он осмотрел, как мы устроены, справился,--не нуждаемся-ли в чем-нибудь; передал, что для услуг к нам приставлены люди и что для меня лично он привел постоянного ординарца, правильнее телохранителя. Крикнул в дверь некоего Абдуллу В комнату ввалилась громадного роста фигура с орлиным носом, зверскими глазами, с лицои испещренным шрамами. Доверенный курбаши представил его мне, рекомендуя, как самого лихого и отважного джигита; ему же дал громко во всеуслышание приказ подчиняться мне беспрекословно во всем.

Абдулла был во всеоружии: через оба плеча надеты накрест ленты с патронами, на поясе револьвер и кинжал, на плечевой портупее кавказская

шашка и в руках винтовка. Один вид его нагнал бы страх на людей слабонервных. Вероятно немало „башка резал“.

Как известно, род занятий определяет склад понятий и характер отношений, так и в этой среде люди типа Абдуллы пользовались большим уважением, ими гордились, новички им завидовали; они как бы представляли почетную гвардию шайки.

По приглашению посланного мы все отправились на званный обед к Иш-Мамет-Баю.

Главные улицы, примыкающие к ставке, через которые пришлось проходить, были заняты сплошь верховыми лошадьми приехавших на обед басмачей. Кони были размещены в хаотическом беспорядке,—одни привязаны к коновязям или деревьям, другие сватованы (по две притянутые одна к другой головами к седлам), третьи стреножены; слышны беспрестанное ржание дерущихся жеребцов, свист, крик и визг уличных мальчишек.

Все это представляло своеобразную картину: с одной стороны, новейшее оружие, которым были воружены толпящиеся и снующие по улице люди, служило как-бы признаком нахождения здесь военного лагеря; с другой стороны, царящий на улицах хаос, шум, гам, отвязавшиеся и дерущиеся лошади, множество мальчишек и собак указывали, что это ни более ни менее как азиатская недисциплинированная орда.

Мы вошли в громадный двор.

Всюду, и под навесами и по всему двору расположились джигиты-басмачи группами в 5-6 человек; они располагались, сидя или лежа на коврах, паласах или просто кошмах и пили предобеденный чай. В большом саду, примыкавшем к двору, также расположились джигиты, а кругом них невдалеке стояли верховые лошади.

По средине двора был устроен большой помост, вышиной в два аршина, и площадью 35-45 кв. арш. Этот помост служил столовой для высокопоставленных особ. Здесь сидело человек 12-15.

Во дворе не было такого шума и гама, как на улице; тут было довольно тихо и спокойно; разговор велся вполголоса. Видимо настроение было ожидательное.

Когда мы вошли во двор, на помосте поднялись трое и спустились вниз, направляясь навстречу нам. То были: сам курбаши Иш-Мамет-Бай, выше среднего роста, брюнет, с тонкими чертами лица, красивыми глазами, грациозной талией в бешмете, с неразлучным маузером в руке; за ним его телохранитель, здоровый детина, но по внешнему облику более благообразный, чем приставленный ко мне, даже добродушного вида, и третий—местный курбаши.

Письменный переводчик взаимно представил нас. Мы поздоровались по мусульмански (обеими руками, затем обвели ими лица).

Нас пригласили на помост, где сам курбаши представил нас всем находящимся здесь гостям, В числе присутствующих были: курбаши ближайших районов, байи (богатые буржуи) из Коканда, Скобелева, Намангана и Ташкента; муллы и ишаны. Начались разговоры в форме коротких вопросов и ответов.

Мои соседи, оказавшиеся родственниками Иш-Мамет-Бая, немного говорили по русски. На мой вопрос, где они учились русскому языку, они ответили, что были в Сибири на каторге и оттуда бежали, что сам Иш-Мамет-Бай и его брат были за разбой сосланы на каторгу и также бежали. И еще указали на других, сидящих на дворе.

Нечего сказать,—хорошие коллеги...

Завязался разговор о причинах наших конфликтов с басмачами в Чаиджуе и других местах, о причинах восстания в Коканде и т. д. Я доказывал, что никаких воинственных целей с нашей стороны по отношению к басмачам не было.

Чай с разговорами затянулся.

Бачи (прислуживающие мальчики) приступили к сервировке обеда; подносили каждому кунган с водой и полотенце для омовения рук перед принятием пищи. Обед состоял из супа „бишбармак", подаваемого каждому отдельно в пиалах (плоские круглые чашки для чая), и из палау, также подавалось большое количество дынь разных сортов. Такой-же обед был и для всех обедающих во дворе и вне двора.

После обеда Иш-Мамет-Бай повел нас осматривать свои владения. Вечером решили собраться на совещание по поводу предстоящей работы.

В этот день навестили нас наши соотечественники, русские беженцы из Ташкента и из других мест, проживавших, как в безопасном месте, в лагере басмачей.

Они были осведомлены уже раньше Корниловым о нашей затее и относились весьма сочувственно к нашему проэкту сформировать повстанческий отряд, использовав для этого басмачей, как кадр.

Между тем из беседы с ними-же я вынес убеждение, что условия для предстоящей затеи не только неблагоприятны, но даже весьма опасны.

Во-первых, разговоры разных фантазеров, в том числе самого Корнилова, о том, что в басмаческих отрядах существует какая-то дисциплина, что разбой и грабежи прекращены, что басмачи ведут себя паиньками, охраняя местное население от большевиков, оказались абсолютно мифическими. Все в этом «разбойничьем гнезде» осталось без перемен и шло по старому.

Во-вторых, молва о том, что благодарное местное население добровольно содержало басмаческие шайки на свои средства, оказалось чистейшей низкопробной ложью.

В-третьих, по рассказам тех же наших соотечественников, в лагерь басмачей часто наезжают и сейчас находятся агитаторы от панисламистов, мусульманской партии «улема» и от потомков бывших Кокандских ханов и ведут агитацию каждый в интересах или своей партии, или отдельных лиц, претендующих на кокандский престол.

Проповедь панисламистских агитаторов вкратце сводилась к следующему:

„Наступило давно жданное время, когда мы, правоверные мусульмане, можем и должны об'единиться и сплотиться, чтобы общими усилиями прогнать ненавистных нам гяуров (в Туркестане—русских, в северо-западных мусульманских провинциях Индии—англичан), восстановить мусульманские

государства (царства, ханства, эмирства, султанства; в Фергане, например, Кокандское ханство); все они должны об'единиться под главенством одного Калифа, заместителя Магомета на земле, и образовать Средне-Азиатский Калифат (Турция, Аравия, Персия, Белуджистан, северо-западные провинции Индии, Афганистан, Хива, Бухара, Туркестан, Казакстан, Бакургистан и др.)".

Вместе с панисламистскими проповедниками в становищах басмачей находился капитан генерального штаба турецкой армии, который состоял при Ирган-бае.

После продолжительного собеседования с нашими милыми лжепатриотами в тот день, 8-го октября, у меня составилось определенное решение как-нибудь избавиться от выполнения возложенного на меня поручения,—почему во время вечерней беседы с Иш-Мамет-Баем я избегал подробностей и не знакомил с планом выполнения, воздерживая от этого Корнилова.

Во время вечернего совещания я задал Иш-Мамет-Баю вопрос: «какое количество и в какое время можно будет навербовать добровольцев для формирования отряда».

Он начал уверять, что желающих будет много. Стоить только крикнуть клич, как явятся отовсюду из других областей, в том числе из Бухары, что он может набрать в своем районе 6—7 тысяч человек, да другие курбаши могут навербовать большое количество, что его постоянно осаждают просьбами о принятии на службу и у него состоит много кандидатов из лихой отважной молодежи.

Что касается конского состава, то в нем недостатка не будет, лишь были-бы деньги, а лошадей можно пригнать из Бухары и других областей.

В свою очередь Иш-Мамет-Бай поинтересовался узнать, что же мы намерены предпринять.

Я изложил кратко наши намерения: путем вербовки добровольцев при каждом курбашестве набрать людей, подготовить и обучить их, затем свести войсковые части, вооружить их и сформировать, примерно, как корпус, в составе двух дивизий, или 8 полков, с 2 конно-горными батареями, общей численностью около 10 тысяч человек, затем сформировать пешие стрелковые части. Вся организация будет проведена по казачьему образцу, обучение и подготовка будет вестись в казачьем духе.

Иш-Мамет-Бай одобрял все это, но считал крайне необходимым предварительно побеседовать по этому вопросу с главным курбаши и предложил пригласить видных и наиболее популярных из них, как-то: Халк-ходжа, Полван-ходжа, назначив день совещания через неделю. Я одобрил его предложение.

Первые дни пребывания в разбойничьем гнезде Иш-Мамет-Бая.

В первые дни мы посетили все кишлаки нашего района, приноравливая наши посещения к базарным дням.

В то время в этом районе базары отличались большим оживлением; торговля шла бойко; можно было встретить всевозможные товары, — чего не было в других районах. По словам местных жителей, базары не только не уступали по своему

оживлению и оборотами базарам мирного времени, но превосходили их, так как на базары с'езжались жители дальних районов.

Во время об'ездов я старался выяснить интересовавший меня вопрос — какой контингент молодых людей мог-бы поступить, если кликнуть клич о приеме добровольцев.

Большинство говорило, что желающие поступить добровольцами будет много, но джигиты добровольцы ничем не будут отличаться от басмачей, если будут приходить к ним, также будут грабить и производить насилие и бесчинства, ибо, по словам спрашиваемых, вся местная молодежь с большой завистью смотрит на привольное житье басмачей, которые живут в довольстве на готовом содержании, ничего не делают, а лишь бражничают, и могут при случае, во время волнений или по местному «тамаша», пограбить и обогатиться.

Увеселительные вечера с „бачами“

Чтобы не быть на глазах многочисленной публики, присутствуя на общих обедах и ужинах, я просил подавать пищу в наше помещение; лишь изредка по вечерам приходилось бывать на театральных представлениях.

Три или четыре раза в неделю устраивались театральные вечера с танцами, музыкой и пением, так называемых, „бачей“.

„Бачи“ это мальчики от 11 до 15 лет, которые подвизаются на театральных подмостках в больших чайханах и разных притонах в ролях музыкантов, певцов и танцоров.

У них есть свои антрепренеры, которые набирают труппу в 5-6 ч. и более выступают с ней в разных увеселительных местах.

„Бачи“ подбираются стройные, красивые, миловидные с женоподобной наружностью.

Они распевают туземные песни, выполняют местные танцы, играют на музыкальных инструментах кустарного производства, закуривают трубки и подносят важным баям.

Вообще это маленькие кафе-шантанные труппы лишь без женского персонала; все функции последнего, как говорят, выполняют «бачи».

В дни театральных вечеров много приезжало гостей в наше становище, главным образом, баи из Коканда. Представления происходили на огромном дворе около конюшен. Публика размещалась вдоль стен в несколько рядов; для нее устраивали угощенье, для всех неизменный чай, а для избранных „дастархан“.

Громадная площадь двора предназначалась для выполнения разных номеров.

В то время в становище басмачей приезжали лучшие силы «бачей», так сказать „премьеры“ из „бачей“ и это потому, что они получали здесь щедрое вознаграждение за свою работу.

Оригинальное азиатское представление бачей на открытом воздухе в тихую теплую и осеннюю ночь представляло весьма эффектное зрелище.

Большая открытая площадь двора освещалась пятью громадными кострами: четыре по углам и один по средине.

В нескольких местах между кострами бачи выполняли разнообразные номера своей программы, в одном месте несколько бачей танцуют туземный групповой танец, в другом премьер бача выполняет соло какой-нибудь грациозный танец; там пронзительно выкрикивают куплеты, у одного костра группа музыкантов и т. д.

По окончании номера один из бачей обходит публику с тюбетейкой в руке, собирая вознаграждение.

Театральные вечера бывали довольно продолжительные, что зависело от щедрости публики.

Проэнт образования „Российского Юго-восточного Союза".

12 октября прибыли в Ферганy в лагерь басмачей 2 гонца—один есаул из города Оренбурга от правительства Оренбургского казачьего войска, другой киргиз из города Уика, прикомандированный к есаулу правительством западной Алаш-Орды (ныне Кирреспублика). Они привезли с собой проэкт договора об образовании „Юго-Восточного Российского Союза". Есаул имел доверительную грамоту предлагать правительствам, где таковые есть (Хива и Бухара), и другим крупным влиятельным политическим партиям и группам подписать договор о заключении упомянутого союза.

Думаю, немногим известно о существовании такого смехотворного проэкта.

Сделаю краткое пояснение.

Войсковое правительство Оренбургского казачьего войска, возглавлявшееся тогда атаманом Дутовым, который был одновременно главным начальником Южно Уральского края, выработало проэкт о создани особого государственного образования в виде федерации автономных штатов под наименованием Юго-Восточного Российского Союза.

В состав союза было предположено включить следующие области казачьих войск: Оренбургскую, Уральскую, Сибирскую, Семиреченскую, Астраханскую и Аму-Дарьинскую, территории Башкиристана, ныне Башкирская ССР, Казакистана, ныне Киргизская ССР, Туркестана (области Сыр-Дарьинскую, Самаркандскую, Ферганскую, Закаспийскую и Семиреченскую); автономные ханства Бухара и Хива.

Предположено было в будущем включить в состав союза казачьи войска: Кубанское и Терское, чтобы, как говорилось, в об'яснительной записке получить свободный доступ к открытому морю и иметь на территории союза разнообразные природные богатства, чем достигалась-бы экономическая независимость нового государственного образования.

Как известно, в то время уже существовало несколько правительств: в Сибири „Сибобдум", на юге России—правительство Деникина и войсковое правительство всевеликого Войска Донского, здравствовал еще Комуч (Комитет учредительного собрания), претендовавший на Всероссийское руководительство.

Теперь на Урале атаман Дутов мечтал создать свое правительство. С этой целью и был выработан договор об образовании Юго-Восточного Союза. В об'яснительной записке красной нитью проходило, что руководящую роль

будет играть правительство Оренбургского казачьего войска; достаточно сказать, что столицей нового государства был намечен Оренбург.

Гонец-есаул передал мне, что он навестил в Ташкенте руководителей Туркестанской военной организации и делал им предложение подписать привезенный им договор, но они отклонили его предложение под тем предлогом, что они люди частные и никем не уполномочены решать вопрос такой государственной важности.

Через два-три дня ожидался приезд курбашей на совещание. Я принял решение избегать обсуждения всяких подробностей.

Предложение о заключении „Юго-Восточного Союза" займет внимание курбашей и у них не явится недовольства, что их пригласили по пустяковому поводу.

Кроме того, к этому времени прибыли из Бухары в Фергану новые панисламистские агитаторы, проповедуя „газават" против гяуров и в первую очередь против большевиков Туркестанского края. Они собирали подписи влиятельных мусульман, желающих принять участие в „газавате".

Курбаши Иш-Мамет-Бай сообщил нам, что он ожидает приезда курбашей 22 октября, что к этому времени им присланы некоторые влиятельные мусульмане, главным образом, духовные лица. Я решил заблаговременно еще до совещания с курбашами открыть свое намерение моим сотрудникам.

Мой отказ от участия в затеваемые авантюры и мое решение скрыться из Ферганы.

Собрал 20 октября на совещание всю мою группу, изложил сущность предстоящей нам задачи, т. е., формирование ферганского повстанческого отряда из басмачей. Обрисовав моральное состояние будущего отряда, я задал вопрос: что нам грядущее готовит?

В случае выступления против Советской власти в Туркестанском крае произойдет поголовное истребление русских, независимо „большевой" ли или „адам Николай" (т. е. человек Николаевского времени,—белогвардеец), начнутся массовые грабежи, разбои и насилия.

Мы—небольшая кучка, будем не в состоянии укротить разбойничьи настроенных наших подчиненных. Принимая во внимание общий план выступления всех очагов борьбы, нужно ожидать полной анархии во всем Туркестане. Это послужит поводом к вмешательству соседних государст и с целью водворения порядка в крае будут введены иностранные войска, в данном случае, английские; последует оккупация края, которая неизвестно, чем завершится.

Я заявил моим сотрудникам, что я не допущу для себя такого позора, стыда и срама, чтобы формировать и подготовлять разбойников против русского населения Туркестанского края. Что я категорически отказываюсь от выполнения возложенных на меня задач. Что многим я обязан Туркестанской военной организации за ее хлопоты по устройству моего побега из крепости и за последующие ее заботы обо мне и меня будут упрекать в неблагодарности за все содеянное для меня, но всему бывает предел, так и в данном случае я ставлю общегосударственные интересы выше интере-

сов группы лиц и поэтому при первой возможности под благовидным предлогом скроюсь из Ферганы.

Полковник Корнилов и еще двое других без колебаний заявили, что они присоединяются вполне к моим мнениям и вместе со мною покинут Фергану.

Приготовление к бегству из Ферганы.

22 октября был большой с'езд в нашем разбойничьем гнезде. Приехали на совещание несколько курбашей, имена их теперь не помню, влиятельные муллы и ишаны, видные баи. Представители от панисламистов, обитавшие в стане Иргаша, не приехали; оказалось—Иргаш не отпустил их.

Все присутствующие одобрили намеченное мероприятие и единогласно утвердили, что добровольцев будет много, лишь были бы деньги на их содержание, а главное оружие и огнестрельные припасы.

Я заметил, что наше краткое неопределенное ознакомление без указания источника снабжения не удовлетворило приехавших. Но как я ожидал, их заинтересовало предложение гонцов о заключении Юго-Восточного Союза.

После общего совещания курбаши совещались между собой и решили развить активные действия. Так, вечером в тот же день Иш-Мамет-Бай явился в наше помещение и предложил нам организовать нападение на нефтяные промыслы „Санто" с целью отбить находившееся там оружие. Я посоветывал отказаться от этого намерения ввиду того, что нам надлежит сидеть мирно и не выступать, чтобы части красной армии не предприняли что-либо против нас и тем не помешали бы нашей серьезной организационной работе.

Иш-Мамет-Бай согласился со мной. Должен констатировать, что за все наше пребывание в лагере басмачей не было произведено ни одного нападения на что-либо и не было ни одного ограбления.

Иш-Мамет-Бай уже начал вербовать добровольцев для предстоящего формирования.

Наступило время осуществить мое решение и скрыться из Ферганы, для этого надо было придумать серьезный предлог. Корнилов и еще один есаул решили бежать вместе со мной.

Мы придумали следующий предлог: яко бы мы получили извещение, что наша организация приготовила большую партию ружей для предстоящего формирования, что для осмотра оружия нужно будет кому нибудь поехать в Ташкент. Для отправки использовать тех ташкентцев, которые поступят на службу в проэктируемый отряд.

Иш-Мамет-Бай вполне согласился с моими доводами и назначил опытного надежного проводника, который должен сопровождать меня туда и обратно.

Под этим благовидным предлогом мы собрались в от'езд и решили двинуться в путь 30 октября.

Далее следуют тяжкие для меня скитания, полные жестоких невзгод и трагических положений.